

ПРОБА ПЕРА. СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

Д.Ю. Карасев, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ ЧАРЛЬЗА ТИЛЛИ

Статья содержит теорию революции Чарльза Тилли, вычлененную из его книги “From mobilization to revolution”, и будет интересна как исследователям творчества этого автора, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемой революции.

Ключевые слова: Чарльз Тилли, теория революции, революционная ситуация, революционные результаты, “конкурентная” модель революции.

The article contains Charles Tilly’s theory of revolution, taken from his book “From mobilization to revolution”. It will be interesting for this author researchers and for any other one, who are interested in the problem of revolution.

Key words: Charles Tilly, theory of revolution, revolutionary situation, revolutionary outcomes, “contention” model of revolution.

В социологической литературе можно встретить совершенно различные оценки теории социальной революции Чарльза Тилли. Энтони Гидденс в своей “Социологии” приводит следующую оценку: “...концепция Тилли — одна из самых тонких попыток анализа коллективного насилия и революционной борьбы. Сформулированные им идеи имеют широкое приложение, и то, как он их использует, свидетельствует о его чуткости в оценках времени и места. Вопросы природы организации социальных движений, ресурсов, которые они способны мобилизовать, а также отношений между претендующими на власть группами представляют собой важные аспекты условий революционных трансформаций общества”¹. Петр Штомка в “Социологии социальных изменений”, относя Тилли к сторонникам политической теории революции, оценивает его взгляды на революцию как “ограниченные”: «Так, по мнению Чарльза Тилли, революции — это не экстраординарные, исключительные, отклоняющиеся явления, а скорее, — если перефразировать известные слова Клаузевица, — “продолжение политики другими средствами”, т.е. разновидность нормального политического процесса, в котором различные группы стремятся реализовать свои цели путем завоевания власти. Революции представляют собой крайние формы соперничества за политический

* Карасев Дмитрий Юрьевич, e-mail: dk89@mail.ru

¹ Гидденс Э. Социология / Науч. ред. В.А. Ядов; Общ. ред. Л.С. Гурьева, Л.Н. Посилевич. М., 1999. С. 578.

контроль (отсюда “конкурентная модель революции”) и происходят только тогда, когда противоборствующие стороны способны мобилизовать значительные ресурсы, необходимые для завоевания власти у старого режима»².

Однако важны не сами оценки концепции революции Тилли, а, скорее, невозможность пройти мимо его имени, указывая на основные теории революции последней трети XX в. Обилие оценок и их модальностей лишний раз свидетельствуют о важности и неоднозначности его концепции.

Свою теорию социальной революции Тилли разрабатывает, основываясь на теории мобилизации, коллективного действия и коллективного насилия. В качестве основных методов, которые использует социолог, можно указать на метод исторического сравнения, моделирование, метод смены перспектив (долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной). Кроме того, на Чарльза Тилли справедливо указывают как на одного из родоначальников традиции “contentious politics” (конкурентной, соревновательной, оппозиционной политики).

Социолог начинает с фиксации множества определений понятия “революция”, их спорности и неоднозначности, объясняя это сложностями оценочного характера. Понятие “революция” скрывает за собой не только сложные реалии, но и альтернативные политические программы. Тилли полагает, что назвать что-то революционным в большинстве из современных западных политических дискурсов означает оценить это как “хорошее” или “плохое”. Проблему определения Тилли решает теоретическим разделением “*революционной ситуации*” и “*результатов революции*”. По его мнению, наиболее значимые разногласия по поводу правильного определения революции находятся именно вдоль этих двух измерений.

Для характеристики революционной ситуации Тилли использует заимствованное им у Льва Троцкого немного модифицированное понятие “*многовластие*”, “*множественный суверенитет*” (*multiple sovereignty*). Под многовластием понимается ситуация, когда более чем один властный блок осуществляет эффективный контроль³ над значительной частью государственного аппарата, территорией государства и более чем один властный блок рассматривается частью населения страны как законный и суверенный. Количество властных блоков может варьироваться, и состоять они могут из коалиций между классами и/или другими группами. В результате, согласно Тилли, революционная ситуация начинается в том случае,

² Штомпка П. Социология социальных изменений / Под ред. В.А. Ядова. М., 1996. С. 382.

³ Понятие “эффективность” восходит к теории коллективного действия Тилли, согласно которой эффективно лишь то коллективное действие, которое в результате приносит его участникам больше ресурсов, чем необходимо для их мобилизации.

когда государство, ранее подконтрольное одной самостоятельной *политической системе (sovereign polity)*, становится объектом эффективных, конкурентных, взаимоисключающих требований контроля со стороны двух или более самостоятельных политических систем (*polities*). Революционная ситуация заканчивается, когда единственная политическая система вновь восстанавливает монопольный контроль над государством.

Тилли считает, что подобное умножение политических систем может иметь место в четырех различных ситуациях:

1. Приверженцы одной политической системы пытаются подчинить другую, ранее обособленную систему. Там, где две политические системы абсолютно суверенны и независимы изначально, — там вероятнее всего стоит рассматривать конфликт между ними в качестве определенной разновидности войны.

2. Члены ранее подчиненной политической системы, такие, как группа претендентов на власть над региональным правительством, утверждают свой суверенитет. В этом случае на ум приходят слова “восстание” и “бунт”. Однако в последнее время стало довольно распространенным приемом называть такие события антиколониальными или национально-освободительными революциями, особенно если результатом последних является независимость.

3. *Претенденты (contenders)*, не являющиеся членами существующей политической системы⁴, мобилизуются в блок, успешно осуществляя контроль за какой-то частью государственного аппарата. Данную разновидность, несмотря на привлекательность ее для “обездоленных претендентов”, Тилли считает редкостью, по крайней мере в чистом виде.

4. Распад существующей политической системы на два блока или более, каждый из которых осуществляет контроль над той или иной частью государства. Подобная фрагментация часто подразумевает появление коалиций между определенным числом членов политической системы и мобилизованными не членами.

Чрезвычайно сложным является вопрос о начале “многовластия”. Чтобы ответить на него, Тилли предлагает обращаться к тому, разделяет ли значительная часть населения требования по контролю государства или его части со стороны соперников или их коалиций.

Большинство споров в определении революции, по мнению социолога, происходит именно по линии оценки революционных результатов. Одни авторы выдвигают слишком требовательные кри-

⁴ Еще одна отсылка к теории коллективного действия Тилли, элементами которой являются *претенденты (contenders)*. Любая группа, использующая общие ресурсы, чтобы повлиять на государство, состоит из *членов политической системы (members)*, обладающих дешевым доступом к ресурсам государства и не членов, *соперников (challengers)*, не обладающих подобным доступом.

терии к оценке результатов, другие хотят видеть революционные результаты одновременно и “стремительными” и “фундаментальными”. Тилли предлагает наименее требовательный критерий оценки революционных результатов — переход власти из рук одной группы в руки другой. При этом понятие “власть” рассматривается широко: политическая, символическая, экономическая власть и т.д. В качестве ключевого критерия берется, конечно, власть над государством. “Результатом революции является смена одного *набора членов политической системы (set of members of the polity)* другим набором”⁵. Очевидно, что революционная ситуация может и не иметь революционных результатов.

Ответ на вопрос о том, каким образом происходит смещение одного “набора” власть предержавших другим, зависит от выбора временной перспективы. В краткосрочной перспективе этот вопрос касается тактики и баланса сил. В среднесрочной перспективе все зависит от наличия мобилизованной и эффективной коалиции соперников. В долгосрочной перспективе рассматривают интересы и организации.

Комбинируя революционную ситуацию с революционными результатами, а также указывая на относительность и различные градации обоих Тилли приходит к своему определению революции, которое он выражает графически (рис. 1).

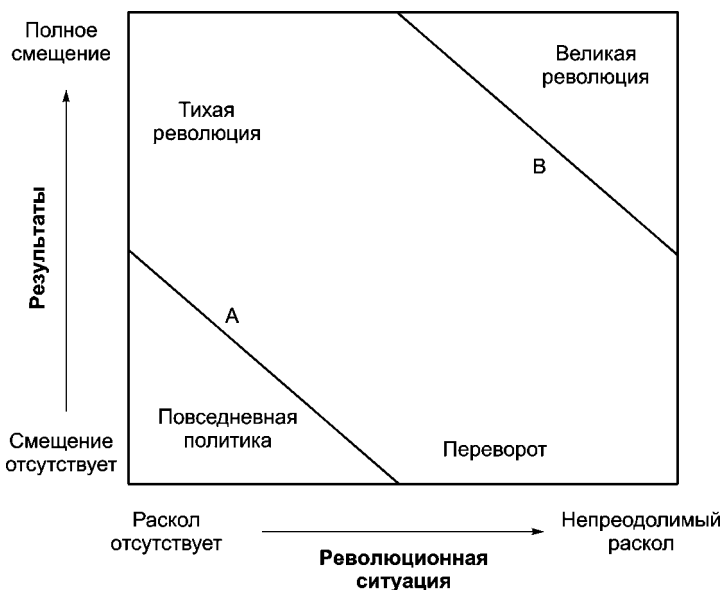

Рис. 1

Источник: Tilly C. From mobilization to revolution. P. 7–11.

⁵ Tilly C. From mobilization to revolution. Addison Wesley, 1978. P. 7–8.

Повседневная политика (*Politics as usual*, см. рис. 1) подразумевает незначительное смещение или полное отсутствие смещения членов политической системы, а также малозатратные по устранению расколы между альтернативными политическими системами. *Перевороты* связаны с более высокими затратами по устранению раскола системы и незначительным числом смещенных членов существующей политической системы. *Тихие революции*, если они вообще возможны, приводят к значительному смещению, практически без развития революционной ситуации. *Великие революции* являются примером крайности в обоих отношениях: колоссальный раскол между альтернативными политическими системами и крупномасштабное смещение членов существующей политической системы. Возвращаясь к спору об определении революции, Тилли добавляет, что линия А (см. рис. 1) иллюстрирует расширенные определения революции: в них попадают все события справа от нее. Справа от линии В обозначены зауженные определения, под которые попадают только Великие революции.

Что касается различных комбинаций революционных ситуаций и результатов, а также попыток предсказания вторых по первым, то Тилли указывает несколько примеров различных концепций, объясняя на их основе некоторые теоретические тонкости. По мнению Тилли, каузальный аргумент синдикалистов состоит в следующем: чем обширнее размах революционной ситуации, тем радикальнее будут результаты революции. Марксистский аргумент во многом схож с синдикалистским, однако является не каузальным, а аргументом необходимого, но не достаточного условия: революционный переход власти не осуществить без широкой революционной ситуации, однако без революционного авангарда и т.д. революционным результатам также не бывать. Аргумент, например, Крейна Бринтона звучит обратным образом: чем более ярко выражена революционная ситуация, тем менее революционные результаты.

В итоге множество процессов, которые по основаниям (легко выявляемым лишь постфактум) коллективного действия, коллективного насилия и перехода власти из одних рук в другие можно было бы назвать революциями, Тилли изображает следующим образом в уже привычной ему системе координат революционная ситуация — революционные результаты (рис. 2).

Информация на рис. 2 говорит нам, что, для того чтобы то или иное событие квалифицировать по Тили как революцию, необходимо принять широкий взгляд на это явление, требующий минимального сочетания революционной ситуации и революционных результатов. Согласно рис. 2, явления, которые мы называем “переворотами”, “восстаниями”, “гражданскими войнами” и “полномасштабными революциями”, пересекаются, но не полностью.

Каждое из этих событий обладает собственными характеристиками, ранжируемыми по осям результатов и революционной ситуации. Но основным различием между ними выступает идентичность сторон, участвующих в передаче власти: во время переворота члены одной политической системы сменяют друг друга; в случае полномасштабной революции большинство или все из ранее господствующего класса теряют власть и т.д.

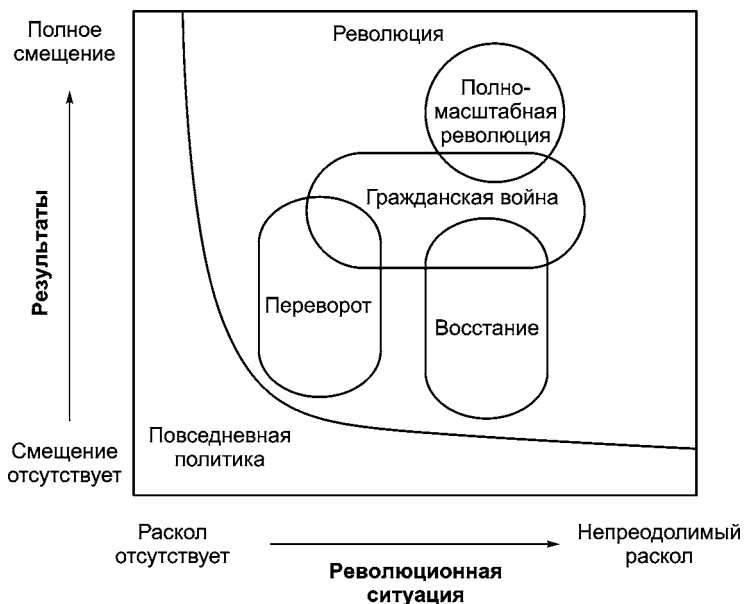

Рис. 2

Источник: Tilly C. Op. cit. P. 7–15.

Хотя и не явно, продолговатый овал “гражданская война” (см. рис. 2) отражает крайнюю форму революционной ситуации, непреодолимый раскол, тем самым напоминая нам о том, что обобщенным результатом гражданских войн является постоянное разделение территории, ранее контролируемой одной политической системой, на две автономные территории или более. Из рис. 2 следует, что обширные, всеобъемлющие революционные результаты *невозможны* без обширной революционной ситуации. Однако в то же время рис. 2 не утверждает обратного: всеобъемлющая революционная ситуация не обязательно ведет к всеобъемлющим революционным результатам.

В качестве признаков революционной ситуации, которые следуют из определения ее через многовластие или множественный суверенитет, Тилли выделяет:

1) появление соперников или коалиции соперников, выдвигающих исключительные требования контроля над государством, которое в данный момент контролируется членами определенной политической системы;

2) приверженность этим требованиям со стороны значительной части населения (особенно в случае активизации данной приверженности перед лицом запретов или вопреки указам правительства);

3) неспособность или нежелание со стороны агентов государства подавить альтернативную коалицию и/или приверженность ее требованиям.

В рамках данной перспективы критическим признаком революционной ситуации является появление альтернативной политической системы. Достоинство выделенных признаков, по мнению Тилли, заключается в том, что их можно связать с другими условиями, которые различные авторы предлагают в качестве индикаторов революции: рост недовольства, ценностный конфликт, фрустрация или относительная депривация. Что касается появления, умножения и мобилизации конкурентов, выдвигающих взаимоисключающие требования контроля над государством, то здесь социолог указывает два пути разрешения ситуации: появление групп, изначально стремящихся осуществить изменения, не совместимые с сохранением власти существующей политической системы, а также перерождение претендентов с целей, которые совместимы с выживанием системы, на цели, которые несут с собой ее гибель.

Что касается второго условия революционной ситуации — приверженности альтернативным требованиям со стороны значительной части населения, — то Тилли указывает, что первое и второе условия могут совмещаться, а могут и не совмещаться. Он также акцентирует внимание на двух типах действия со стороны государства, которые в значительной мере могут усилить эту приверженность со стороны населения. К первому типу относится внезапный отказ исполнять те из своих обязанностей, к которым население относится как к само собой разумеющимся и необходимым для их выживания. Ко второму типу действий со стороны правительства, которые обычно приводят к расширению приверженности широких слоев революционным целям, относятся стремительный или неожиданный рост требований со стороны правительства по передаче ресурсов населения. Яркий тому пример — увеличение налогов, призыв на военную службу, реквизиция земель, продуктов и т.д. В этом случае присоединение значительных частей населения к революционной коалиции Тилли называет “оборонительной мобилизацией”, указывая, что оборонительная мобилизация служила

одной из основных причин революций и бунтов в Средние века и в начале Нового времени⁶.

По поводу третьего условия революционной ситуации — неспособности или нежелания со стороны государства подавить альтернативную коалицию и/или приверженность ее требованиям — Тилли добавляет, что это условие складывается из трех обстоятельств: а) недостаточного количества средств принуждения у государства; б) неэффективного использования этих средств со стороны государства; или в) промедления в их использовании. При этом революция становится наиболее вероятной в случае, если количество средств принуждения у коалиции соперников и государства стремится к паритету, так как последнее лишилось части своих средств принуждения на войне. По замечанию социолога, неэффективность в использовании средств принуждения в чистом виде встречается довольно редко и ее стоит изучать вкуче с промедлением в использовании.

Особым условием революционной ситуации Тилли считает войну. Для революционной ситуации война важна по многим обстоятельствам:

— наиболее важными коалициями в большинстве исторических примеров революций, несомненно, были коалиции претендентов с военными силами;

— большинство современных революций, как удавшихся, так и неудавшихся, случалось вслед за войнами;

— иногда альтернативные требования контроля над государством исходят непосредственно от армии (в этом случае принято говорить о военном перевороте или его попытке);

— всеобщая неразбериха, вызванная войной, материальные потери и человеческие жертвы создают климат, благоприятный для радикальных изменений;

— война способствует временной концентрации подконтрольных правительству ресурсов принуждения, но это не гарантирует, что они будут адекватны требованиям, возлагаемым на них, а также что они будут эффективно использоваться или всегда оставаться под жестким контролем правительства;

— значительная часть населения оказывается вооруженной, т.е. возникает концентрация ресурсов принуждения; человеческая жизнь ценится значительно ниже по сравнению с мирным временем;

— в стране, потерпевшей военное поражение, государство ослаблено и не в состоянии выполнять часть своих функций, что наряду

⁶ Подробнейшее описание конкретных исторических примеров оборонительной мобилизации и связи ее со становлением европейских государств можно найти в переведенной на русский язык книге Тилли “Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг.”.

с тяготами поражения приводит к росту острого социального недовольства;

— войны в большинстве своем представляют собой ситуации, когда государства стремительно увеличивают поборы с населения, что влечет за собой рост оборонительной мобилизации.

В качестве основных условий революционных результатов Тилли выделяет три:

- 1) наличие революционной ситуации: многовластие;
- 2) революционные коалиции между претендентами и членами существующей политической системы;
- 3) контроль со стороны революционной коалиции над существенными ресурсами (под которыми Тилли в основном подразумевает средства принуждения).

Вопрос о том, в какой степени развитие революционной ситуации является признаком, а не причиной революционных результатов, не из легких. Тилли лишь утверждает, что “широкая революционная ситуация” увеличивает вероятность “широкого перехода власти”, поскольку чем шире распространилась революционная ситуация, тем труднее любой организованной группе или сегменту населения избежать связи с одной из сторон революционной борьбы. Структура революционной коалиции, партия, армия или повстанческий комитет становятся скелетом или проектом нового правительства в случае победы этой коалиции. Степенью распространности революционной ситуации также обуславливается необходимость полного уничтожения членов предшествующей политической системы, их ресурсов, сторонников и т.д. революционной коалицией, дабы исключить вероятность последующего возвращения первых к власти.

Проблема коалиции между соперниками (challengers) и членами существующей политической системы в качестве второго условия перехода власти интересна тем, что в некоторой степени противоречит первому условию. Однако, по мнению Тилли, отсутствие подобной коалиции уменьшает вероятность победы революционеров, вероятность какого-либо перехода власти вообще. Существование же такой коалиции, напротив, увеличивает вероятность некоторого перехода власти. В то же время если данная коалиция будет достаточно обширной, то в революционных установлениях будут стремиться восстановить изначальный статус-кво. Иными словами, автор указывает на необходимость минимальной коалиции с членами существующей политической системы. К тому же соперникам в этом случае следует принудить своих высокопоставленных партнеров по коалиции бесповоротно порвать с другими членами этой

политической системы. Социолог также выявляет двусторонние мотивы участия в подобной рискованной коалиции: члены существующей политической системы вступают в подобную коалицию ради “торговли” ресурсами с претендентами (например, в обмен на электоральную поддержку); соперники же могут вступить в коалицию в том случае, если она предоставляет защиту от репрессий или от обесценивания их собственных ресурсов.

Кроме всего прочего Тилли кратко рассматривает феномен “дезертирства интеллектуалов”, указывая на склонность оппозиционных групп интеллектуалов к формированию коалиций за пределами политической системы. Помимо иных организационных и символических функций интеллектуалов в революционной коалиции Тилли указывает на имеющуюся у них возможность предоставить доступ к лицам в высших эшелонах власти, и эту их возможность он считает важнейшей.

Наконец, о третьем условии революционных результатов Тилли говорит следующее: “...чем обширнее контроль со стороны революционной коалиции над значительными ресурсами, включая частное оружие, орудия и подразделения национальной армии тем более вероятен переход власти”⁷. Кроме того, чем раньше средства принуждения перейдут в руки коалиции соперников, тем более вероятен переход власти. Мобилизация прочих ресурсов, вероятно, также дает значительные шансы получить власть, однако в меньшей степени по сравнению с мобилизацией средств принуждения. Аргументируя свою позицию, Тилли опирается на методику определения нелояльности армии Д.Э.Ч. Рассел, основанную на шкалировании трех компонентов — степени и срока нелояльности вооруженных сил и доли нелояльных в последних. Кроме того Тилли рассматривает сравнительное исследование четырнадцати массовых восстаний XX в.: семь из них удались (и исходя из этого она считает их революциями). Это восстания в Афганистане (1929), Албании (1924), Боливии (1952), Бразилии (1930), Китае (1949), на Кубе (1959), в Мексике (1911). Также рассмотрено семь неудавшихся восстаний: в Австрии (1934), Бирме (1953), Колумбии (1948), на Кубе (1912), в Гондурасе (1933), Италии (1949), Испании (1934). Исследование Рассел свидетельствует о наличии связи между степенью нелояльности армии и успехом массового восстания.

Суммируя причины революционной ситуации с условиями революционных результатов, Тилли выводит формулу “идеализированной последовательности хода революционных событий”:

⁷ Tilly C. Op. cit. P. 7–32.

1) значительная мобилизация претендентов, которые выдвигают исключительные требования контроля над государством, и/или которая сама по себе требует исключить членов существующей политической системы;

2) стремительное увеличение числа людей, разделяющих эти требования, и/или стремительное расширение коалиции, включая отторгнутых или исключенных претендентов;

3) безуспешные попытки государства пресечь альтернативную коалицию и/или удовлетворить ее требования; это может происходить параллельно с попытками демобилизации армии, захвата, девальвации, рассеяния ресурсов, находящихся в распоряжении соперников;

4) установление эффективного контроля со стороны альтернативной коалиции над некоторой частью государства: территориальный раскол, функциональное подразделение, получение части мест в правительстве;

5) борьба коалиции соперников за расширение сферы контроля;

6) реконструкция политической системы в результате победы или поражения альтернативной коалиции или путем создания временного соглашения (*modus vivendi*) между альтернативной коалицией и некоторыми (или всеми) членами прежней политической системы; фрагментация революционной коалиции;

7) восстановление рутинного государственного контроля над всем населением.

Тилли замечает, что не ставит своей целью создание некой “естественной истории” революции, как это делал, например, Эдвардс или Бринтон. Он создает свою идеализированную модель хода революции (которую сам называет “конкурентной”, *соревновательной, оппозиционной моделью* (“*contention model*”), для того чтобы противопоставить ее модели “взлета–падения” (*tension–release model*). Согласно последней, уровень коллективного насилия “взмывает” вверх во время революционной ситуации, а после быстро спадает. Конкурентная или соревновательная модель, напротив, не дает четких предсказаний о том, как будет строиться кривая насилия до революции, так как форма этой кривой будет зависеть от конкретного характера мобилизации и конкуренции, которые привели к многовластию. Однако конкурентная модель революции отвергает необходимость нарастания насилия до революции. Эта модель делает вполне вероятной ситуацию, в которой с появлением многовластия широкое коллективное насилие тем не менее будет продолжаться до тех пор, пока основная проблема не будет решена, и лишь потом оно пойдет на спад. Схематично разница между моделями Тилли изображена на рис. 3.

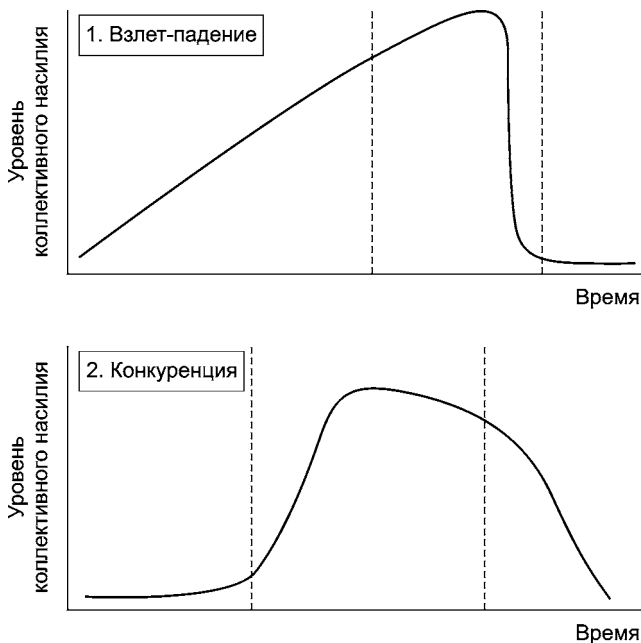

Рис. 3

Источник: Tilly C. Op. cit. P. 7–47.

Если говорить об уровне коллективного насилия, то следует указать на следствия, которые будет иметь “конкурентная” модель революции. Во-первых, множественный суверенитет ставит под вопрос достигнутое положение каждого конкретного претендента, будь то член существующей политической системы или человек, не принадлежащий ей, что само по себе порождает коллективное насилие. Во-вторых, борьба данной политической системы против своих соперников приравнивается к войне: борьба ведется неограниченными средствами, поскольку на карту поставлен контроль над всем государством. В-третьих, при захвате контроля над центральным аппаратом государства вероятнее всего происходит фрагментация революционной коалиции, и подобная фрагментация сама по себе имеет тенденцию к дальнейшей борьбе с применением насилия. В-четвертых, победители также могут столкнуться с проблемой восстановления рутинного государственного контроля над населением даже после того, как с многовластием покончено. Как только государство возвращается к своей работе по извлечению и перераспределению ресурсов, оно сталкивается с людьми, сопротивляющимися уплате налогов, захвату их земель и т.д. Начинается новый виток насильственного закабаления и насильствен-

ного сопротивления. В-пятых, чем больше число претендентов, участвующих в борьбе за власть, тем выше уровень коллективного насилия, поскольку число взаимных испытаний позиций между претендентами экспоненциально возрастает с увеличением числа претендентов. Наконец, характер репрессивных средств в рамках государственного контроля значительно влияет на степень насилия. Связь репрессивного потенциала правительства с насилием, вероятно, криволинейна: незначительный ущерб людям и имуществу наносится там, где государство обладает огромным или, напротив, малым репрессивным потенциалом: уровень насилия, вероятно, возрастает там, где вооруженность правительства и оппонентов равны.

Тилли крайне осторожно оценивает способность революции вызывать дальнейшие структурные изменения. Если под глубокими структурными изменениями полагать переход всей полноты государственной власти от одного класса к другому, от одной группы к другой, от одного претендента к другому, то вопрос можно считать раскрытым. Однако если под структурными изменениями понимать дальнейшее распределение ресурсов, изменение в качестве жизни, урбанизацию, индустриализацию, моральное возрождение, то ответ возможен лишь в долгосрочной перспективе. По мнению Тилли, сколько бы надежд ни возлагалось на революции, исторически лишь некоторые из них привели к изменениям такого рода. Возможно, именно эта исключительность позволяет назвать эти немногие революции “великими”. Большинство же революций ведет лишь к временным структурным перестановкам.

Принципиальная позиция социолога состоит в том, что в долгосрочной перспективе революции приводят к изменению направления структурных преобразований лишь в той степени, в какой они производят передачу власти. В ходе тех революций, в которых осуществляется широкомасштабный переход власти от одного класса к другому, от одной коалиции к другой, и возможны структурные изменения. Перевороты же, в рамках которых без значительного раскола происходит смена одних членов политической системы другими членами той же системы, почти никогда не производят значимых структурных изменений, несмотря на заявления о национальном обновлении, которые им всегда сопутствуют. Все дело в незначительной смене власть имущих. Кроме того, на структурные преобразования, сознательно запускаемые в постреволюционный период, также влияют организационные средства и прочие ресурсы, доступные тем, кто получает власть. Мобилизация соперников, которая происходит до и во время революции, может сама по себе способствовать дальнейшей национальной мобилизации, перераспределению ресурсов в пользу государства, ресурсов, которые были недоступны до революции, — собственности, энергии,

информации, лояльности. Последние в свою очередь содействуют структурным преобразованиям.

Свои рассуждения по поводу структурных изменений, вызванных революциями Тилли подытоживает следующим образом: “По нашему мнению, оценка долгосрочных последствий различных революций с необходимостью должна опираться на то, стоила ли та или иная революция своих затрат. Некоторые революции я оцениваю как стоящие. Однако в настоящее время никто не располагает достаточным систематическим знанием о возможных структурных последствиях той или иной разновидности революции, чтобы с уверенностью дать такую оценку”⁸. Социолог заканчивает постулированием вероятностного характера всякого знания о революции, не становясь при этом противником теоретического обобщения как такового. “Скорее, согласно одной из известных метафор Тилли, у революций примерно столько же причин, как у автомобильных пробок”⁹. Применительно к революции Чарльз Тилли призывает остановить поиск инвариантных механистических законов, при которых “если сложить А и В, то всегда и везде получится С”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гидденс Э. Социология / Науч. ред. В.А. Ядов; Общ. ред. Л.С. Гурьева, Л.Н. Посилевич. М., 1999.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М., 2009.

Тилли Ч. Демократия // Демократия как озеро / Предисл. к рус. изд. Г. Дерлугьяна. М., 2007.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Под ред. В.А. Ядова. М., 1996.

Tilly C. From mobilization to revolution. Addison Wesley, 1978.

⁸ *Tilly C.* Op. cit. P. 7–54.

⁹ *Тилли Ч.* Демократия // Демократия как озеро / Предисл. к рус. изд. Г. Дерлугьяна. М., 2007. С. 6.